

церковный порядок организации государственных финансов, которая представляется ему строго централизованной (стр. 63). Императорскую сакелу он называет *banque centrale d'Etat*, ссылаясь на Ф. Дэльгера, который, впрочем, был несколько более осторожным в своей формулировке и признавал сакелу *Staatsbank*⁵, т. е. просто «государственным банком», без эпитета «центральный». Однако, надо думать, и государственная администрация в Византии не была столь упорядоченной, как это представлялась Дэльгеру. Церковная администрация скорее соответствовала, чем противостояла общей имперской структуре.

А. К.

ВИЗАНТИЙСКАЯ МЕТРОЛОГИЯ

E. Schilbach. *Byzantinische metrologische Quellen.*
Düsseldorf, 1970, S. XXIII+204.

E. Schilbach. *Byzantinische Metrologie.* München, 1970, S. XXIX+291.

Византийской метрологии как особой вспомогательной дисциплины до работ Э. Шильбаха практически не существовало — теперь она есть. Первая из его работ — изданная ротационным способом сравнительно небольшая книга — содержит выборку византийских источников по метрологии с комментарием и удобным указателем. Часть текстов публикуется впервые. Правда, объем книги не позволил включить в нее наиболее обширные сочинения, вроде «Геодезии» Иоанна Педиасима (XIII—XIV вв.), но и в таком виде сводка Шильбаха дает в руки византиниста большой и легко обозримый материал.

Вторая книга — общая характеристика византийских мер и весов. Автор ограничивает себя преимущественно средне- и поздневизантийским периодом и соответственно территорией Малой Азии, Греции, Македонии и островов, включая Кипр. В книге рассматриваются как официальные, так и локальные меры длины и поверхности, меры жидкости и сыпучих тел, меры веса. В приложении даны три экскурса: о классификации земель по принципу качества, о приемах измерения земельных участков¹ и о поземельном обложении. Автор сознательно воздерживается от рассмотрения проблемы измерения времени в Византии, поскольку она принадлежит хронологии. Возможно, было бы целесообразно включить в книгу, хотя бы в виде приложения, сводку данных о византийских ценах (частично автор обращается к ним в связи с измерением и обложением земли).

Автором привлечен, помимо специально метрологических источников, широкий круг памятников, как греческих, так и иноземных, — от хроник до деловых документов, включая счетные книги. Используются и памятники материальной культуры: здания, монеты, гирьки-эксагии и т. п. Характеристика источников дана на нескольких страницах (стр. 6—9) и носит, по сути дела, внешне-дескриптивный характер. Внутренняя критика источника отсутствует. Например, материал известной книги Пеголотти безоговорочно отнесен к первой половине XIV в., тогда как, возможно, он отражает обстановку, существовавшую в Византии в конце XIII столетия². Более общий характер имеет вопрос о степени достоверности метрологических сведений. Некоторые стороны этого вопроса, в частности проблема терминологии, удачно разбираются в самом тексте, однако мне представляется плодотворным целостное его рассмотрение. В самом деле, существует ряд византийских источников, как, например, задачки, метрологические данные которых явно произвольны. В других случаях (например, в хрониках или житиях) произвольность этих данных может быть допущена априори, но насколько основателен разговор о произвольности цифр в трактатах землемеров и тем более в деловых документах?

В основе византийских мер длины лежит «стопа» (фут), которую Шильбах принимает равной 31, 23 см, что, по его мнению, отличает византийскую систему от римской, жившей на футах в 29, 6 см, и сближает с греческой, где фут равнялся 31,5 см (стр. 16). Шильбах характеризует ряд линейных мер («локоть», оргия, схиний и др.) и устанавливает мимоходом на длине дневного перехода (стр. 36). Это понятие играло важную роль в системе византийских измерений, оно упоминается не у одного только Кантакузина, как можно было бы заключить из текста Шильбаха, но у многих византийских авторов (часто у Константина Багрянородного), равно как и у восточных и латинских писателей. Полная сводка таких данных могла бы представлять большой интерес.

⁵ F. Dölger. *Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung.* Darmstadt, 1960, S. 14. Дэльгер противопоставляет сакелле вестнарий как казну для натуральных поступлений, что не соответствует действительности, ибо в вестнарий поступали и денежные суммы. О сакеле см. также: *ibid.*, S. 24—27.

¹ См. об этом также: Г. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг. — ВВ, X, 1956, стр. 101—103.

² Ph. Grierson. *The Coin List of Pegolotti.* — «Studi in onore di A. Saporiti». Milano, 1957.

Центральная мера площади в Византии — модий. Очень остроумно Шильбах показал (стр. 63—66), что термином *στρέμμα* обозначалась, по-видимому, площадь, соответствовавшая 1 модию (а не меньшая, как думали до сих пор). Модий, по Шильбаху, исчислялся тройко (если не считать особых случаев): в 888,73, в 939,18 и в 1279,78 кв. м (стр. 66). Другая важная мера — зевгарь. Шильбах отмечает, что она варьировала от 8 до 20 га и составляла площадь, которую пара волов могла вспахать за год (стр. 69).

Меры сыпучих тел Шильбах разделяет на две группы: одни применялись в фискальных целях и для исчисления посева, другие — в торговле (стр. 94). Так как они носили одинаковые названия (модий и его производные), разграничить обе группы не всегда просто. Автор рассматривает разные виды модия (как меры объема) и, в частности, показывает, что антикизирующий термин «медимн» обычно соответствовал модию (стр. 56—98). Так называемый морской модий Шильбах исчисляет в 17,084 литра (стр. 96), анонный — в 11,389 м (стр. 99), тогда как модий, употреблявшийся при торговых операциях, колебался между 316,78 и 333,24 литра (стр. 104).

Единицей веса была литра, которая составляла:

- в IV—VI вв. — ок. 324 г.
- в VI—VII вв. — ок. 322 г.
- в VII—IX вв. — ок. 320 г.
- в IX—начале XIII в. — ок. 319 г.
- в XIII—XV вв. — не более 319 г. (стр. 166).

Собранный и исследованный Шильбахом материал важен прежде всего как справочный. Однако его значение этим не исчерпывается. Он позволяет если не понять, то, во всяком случае, задуматься над некоторыми особенностями византийской системы мер и весов.

Как и повсюду в средние века, в Византии в основе измерения пространства и объема лежали конкретные, по большей части антропологические, понятия. Мерами длины были стопа, локоть, расстояние между большим пальцем и мизинцем; поверхность измерялась количеством засеваемого зерна или грудом воловьей-ушряжки. Строго метрической системы мер здесь не было.

Корни византийской системы мер Шильбах ищет в античности: по его мнению, линейные меры восходят по преимуществу к древнегреческим (стр. 16), квадратные — к римским (стр. 74—79). Мне кажется сомнительной самая возможность происхождения линейных мер из одного культурного круга, а квадратных из другого. При решении этого вопроса не следует сбрасывать со счетов осознанный традиционализм византийского общества — тем более интересны наблюдения Шильбаха, отмечающего в ряде случаев отличия византийских мер от более ранних (например, стр. 33 и сл.).

Очень показателен «полисемантизм» византийских мер. Термин «модий» в этом отношении весьма любопытен: мы уже видели, что за ним скрывались самые разные понятия. Локальные особенности таких мер, как локоть или калам (тростник), были весьма значительны. Византийская централизация не распространялась, по всей видимости, на меры длины, поверхности, сыпучих тел и жидкостей.

В отличие от этого система веса предстает перед нами более унифицированной. Шильбах отмечает, что в средневизантийский период локальных мер веса в Византии не было — они складываются только с XIII в. (стр. 186 и сл.). Что это — случайность или закономерное явление? Автор не ставит такого вопроса. Для социально-экономической истории Византии особенно интересен экскурс Шильбаха в сферу податной системы. Здесь было бы чрезвычайно существенно рассмотреть вопрос о факторах, определявших как размер податей, так и цену земли³. Если Шильбах справедливо отмечает, что размер площади определялся далеко не одними только метрическими критериями (стр. 56—58), то в еще большей степени эти особенности средневекового мышления обнаруживались в конституировании поземельной ренты или налога. К сожалению, стремление получить усредненные цифры ведет Шильбаха в данном случае к искажению перспективы и к потере «внеэкономического» фактора.

И последнее замечание. Шильбах приводит (стр. 57, прим. 6) интересную таблицу урожайности (от 1,6 : 1 до 5 : 1). В какой мере, однако, эти данные (для одного района в конце XIV в.) распространены на всю территорию и всю историю империи? В конце XII в. Евстафий Солунский гордился урожаем почти в сам-20!

А. К.

³ См. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 155 и сл.; К. В. Хвостова. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968, стр. 115—135.